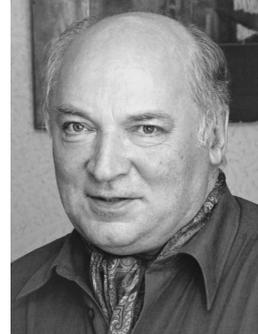

Берег искусства

ВАДИМ СТАРК
Филолог

Родился в Ленинграде в 1945 году. Окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена в 1975, затем преподавал в этом вузе. Доктор филологических наук, кандидат искусствоведения. Работал методистом литературной секции городского экскурсионного бюро. С 1988 года — ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ученый секретарь Пушкинской комиссии РАН. В 1990 году выступил инициатором создания общественного культурно-просветительного благотворительного объединения «Набоковский фонд», был основателем и первым директором музея В. В. Набокова в Санкт-Петербурге. Издал в России набоковский комментарий к роману «Евгений Онегин». Является научным редактором «Набоковского вестника». Автор книг «Портреты и лица», «Черная речка. До и после» (в соавторстве с С. Витале), «А. С. Пушкин. Родословные перекрестки». Автор-составитель книги «Дворянская семья» (из истории дворянских фамилий России).

Солнечные фрески Надин Блок

Фамилия Блок вызывает естественную ассоциацию с именем поэта Александра Александровича Блока. Урожденная Надежда Ермолаева получила эту фамилию, соединив свою судьбу с французским писателем Александром Блоком, известным под псевдонимом Жан Бло, романистом и эссеистом, который многие годы возглавлял Международный ПЕН-Клуб. Несколько его романов переведено на русский язык. Родившийся в России, но увезенный младенцем в эмиграцию, где сохранил родной язык, став писателем, творит он на языке своей второй родины — Франции.

Его отец, Арнольд Самсонович Блок, родом из состоятельной купеческой семьи, выпускник Московского университета, ювелир и любитель поэзии, в 1923 году в память умершего поэта-однофамильца назвал своего сына Александром. Год спустя семья Блоков оседает на берегах туманного Альбиона. В шекспировских местах, в Бромеграфе, получает Александр Блок образование, продолженное во Франции, в Лионском университете. Под именем Жан Бло он участвует во французском Сопротивлении, закончив войну в чине лейтенанта. После войны, когда он был принят переводчиком в ООН, судьба свела его с Надин, служившей там же переводчицей. С тех пор, вплоть до трагической гибели Надин, они неразлучны — художница и писатель.

Когда заходит речь о человеке искусства, то совершенно естественно задаешься поиском его корней, начиная с рождения. Мать Надин при-

надлежала к старинному русскому роду Загоскиных, давшему России замечательного исторического романиста Михаила Николаевича Загоскина. Будучи сестрой милосердия в Первую мировую войну, она встретила на фронте будущего своего мужа, полковника Ермолаева.

По всем правам и всем правилам Надин должна была родиться в России, в Петербурге, на берегах Невы или в уездной Луге (где у отца был дом), в излучине реки, давшей название городу, впадающей, как и Нева, в Финский залив. Отсюда начинался великий водный торговый «путь из Варяг в Греки». Но ее родители навсегда утратили Родину, и родилась Надин в Бургасе, в Болгарии, на берегу Черного моря. Назвали ее Надеждой, как бы отразив в этом имени и свои надежды. Детство ее прошло уже под Марселем, в русской колонии Ла Фавьер, на Лазурном берегу Средиземного моря.

Самое название Фавьер в переводе с французского означает милость, благосклонность. Это место на Лазурном берегу оказалось действительно благосклонно к русским. Кто только не жил здесь постоянно или приезжая на лето из Парижа: Александр Куприн, Павел Милюков, Иван Билибин, Саша Черный, Марина Цветаева... Собираясь в 1933 году в Ла Фавьер, Цветаева писала, что ее привлекают там «сосны, песчаный пляж (на Средиземном — редкость), море. И, главное, — лохматые, курчавые горы». Воспоминание об этом пейзаже наложило свою печать и на позднейшую живопись Надин. Вся жизнь она будет вести свой разговор с этим пейзажем.

Ей было десять лет, когда отец сказал: «Ну, будет художником». Пришла пора серьезной учебы. Ее отправили в Париж учиться. Жила она у тетки, сестры отца, также вынужденной эмигрировать. Своим первым профессиональным учителем Надин называет Геера Ван де Вельде, голландца, у которого она в Париже брала уроки живописи. Он принадлежал к известной художественной семье. Он с братом прошел школу отца Анри Ван де Вельде (1863–1952), художника, архитектора, музыканта и литератора, замечательного педагога, с 1901 года по 1914-й возглавлявшего Веймарскую Академию, а в 1926 году создавшего Школу искусств и ремесел в Генте. После

Второй мировой войны он поселился с семьей в Швейцарии. Он явился одним из основателей бельгийской ветви стиля модерн.

Париж для Надин сам по себе стал школой. Надин хотела рисовать — по-видимому, органичное побеждало все сомнения, и «ниша», естественно, нашлась. Она стала художником, как и предсказал отец. С той поры, как она представила себя за работой в просторной рубаше, не стесняющей тело, на картине «Le peintre» («Художница»), она тя-

Надин Блок. Остров Скирос. 1980

нется с кистью в руке доделать очередной сюжет. Надин с мужем после войны много путешествовали по долгу службы, что дало и ему как писателю,

и ей как художнику много ярких впечатлений. С 1965 года они связали свою жизнь с Грецией, построив дом на острове Скирос, на скате горы над морем, в ущелье, так что от него не видно ничего, кроме моря и скал. Внизу, куда сбегает лестница с террасами для отдыха, плещется маленький собственный заливчик. В нем, как бывало в детстве, можно ловить рыбу и собирать морских ежей. Когда Эгейское море волнуется, то в заливчике начинается игра волн с ветром, та, которую слышал Клод Дебюсси и передал в поэме «Море». У самой Надин есть абстрактная картина «Скирос»: ее остров повторяет на полотне очертания реального, он окружен голубоватым прозрачным морем и составлен как бы из множества разноцветных камней, живописно пригнанных друг к другу. Название острова Скирос с греческого переводится как твердый. В координатах, умозрительно выстраиваемых всяким творцом в поисках точки опоры, для Надин местом пересечения прошлого и настоящего стал остров Скирос.

Когда человек в земном прохождении жизни задумывается о ее назначении, то, в первую очередь, вспоминает о том, как ему удалось исполнить, говоря словами Пушкина, свой «долг, завещанный от Бога». Надин ощутила это в день Св. Александра Константинопольского, когда в уже расписанный ею храм зашла старая гречанка, долго всматривалась в лики святых, в свободную и любовную передачу сюжетов Старого и Нового Завета, и вдруг, встав на колени, поцеловала руку Богоматери. Надин была счастлива, убедившись, что внутренний голос ее не обманывал. И уже сотни «островитян» присутствовали при освящении этой маленькой церкви православным священником, прибывшим для того из Георгиевского монастыря с горы Ликомеда. Два колокола несли Благовую весть, их звон отзывался эхом в горах, сама природа, казалось, подпевала им.

На острове античные древности живут в согласии с христианскими святынями. Маленькие побеленные церкви напоминают подобные же в Болгарии. Так строили в Средиземноморье во времена турецкого владычества, когда преследовалось христианство. Такой храм мечтала построить и расписать Надин, и вот уже муж бамбуковой палкой отмеряет в саду при доме место для храма. Освятят его во имя Святого Александра Константинопольского, в честь небесного патрона Александра. В память этого святого крещен был и Александр Невский, и Пушкин. Десять лет этот храм расписывала Надин. К церкви пристроили мастерскую художницы, ее «животворящую» келью. Служение искусству само собою слилось со служением Богу. Расписано будет все пространство храма, кроме пола.

Взору входящего в эту маленькую церковь открывается все богатство библейских сюжетов, тесно размещенных в ограниченном пространстве. Очевидна и избирательность сюжетов, которая с одной стороны связывается локально с той территорией, на которой храм воздвигнут, а с другой заставляет зрителя задуматься о тех, кто создавал и расписывал этот храм.

Яркие, чистые краски освещают входящего в их храм, вводят его в мир святых, таких строгих порою согласно библейскому преданию, но таких милосердных и всепрощающих в передаче Надин Блок. Храм как будто вообрал в себя море и небо, его окружающее, и солнце, скользящее по фре-

скам, высвечивает сюжеты, перетекающие плавно один в другой, подобно тому, как скользит оно над гладью морской, всходя алою зарею на востоке и догорая на западе. В солнечных лучах, словно волны, колеблются складки одеяний, мерцают лики, золотятся нимбы, на деревьях райского сада сидят сказочные птицы.

Пересказать фрески невозможно, их нужно видеть. Надин их не копирует, хотя однажды создала цикл вариаций своих росписей для выставки в России, прошедшей в Петербурге, а затем в Тихвине, на родине Римского-Корсакова, где они были размещены тоже в маленькой церкви, рядом с домом-музеем композитора, напротив Большого Тихвинского Успенского монастыря. В храмовом пространстве религиозная живопись смотрелась на своем месте, совершенно иначе, чем в одном из залов Дома Журналистов на Невском проспекте. На время выставки давно недействующий храм как будто оживился.

Обращаясь к живописи Надин, мы с совершенной уверенностью говорим, что она оптимистична, но это определение ничего не раскрывает в особенностях манеры художницы. Здесь встает вопрос о генезисе этих радостных и богатых красок. И в поисках родственного мы идем в даль времени. И дело даже не столько в позитивных началах полотен, они есть следствие глубинной чистоты душ представленных — будут ли это ангелы или Святая Троица, или *La Charit*, или *L'Esperance*, или, наконец, Донатор Александр. Из невидимого источника внутри всех их изливается Добро, Свет — и Радость. И позволим себе невольное сравнение с полотнами Анджелико фра Джованни да Фьезоле — Фра Беато (1400–1455). Родственность же в убежденности и великого итальянского мастера эпохи раннего Возрождения, и современной художницы — в Благодати Мира, познавшего Божественную Истину Святой Троицы.